

Важнейшая сцена, знаменующая переломный момент в судьбе героя, была отснята с первого же дубля.

Вообще-то на утро планировались и другие сцены. Однако главный режиссер Сунь Яо, заметив, что Цзян Жо никак не может прийти в себя и выглядит совершенно потерянным, выделил ему два часа на передышку. Он велел актеру пообедать и восстановить силы, отложив продолжение съемок на вторую половину дня.

Поблагодарив режиссера, Цзян Жо отправился в гримерку, чтобы снять танцевальный костюм.

Он переоделся в привычный мягкий свитер и джинсы — простое, удобное сочетание. Но стоило ему толкнуть дверь наружу, как взгляд наткнулся на Си Юйфэна. Цзян Жо на секунду опешил, но тут же мягко улыбнулся.

— Господин Си еще не уехал?

Си Юйфэн стоял чуть поодаль, небрежно опустив одну руку в карман брюк, и молча разглядывал юношу.

Его взгляд оставался все таким же холодным и бесстрастным, однако теперь в нем угадывалось едва заметное любопытство. Впрочем, Цзян Жо не был уверен, что не ошибся: Си Юйфэн умел скрывать мысли как никто другой.

Обед снова устроил режиссер Чжоу.

В этот раз все прошло куда непринужденнее — правы те, кто говорит, что при второй встрече люди чувствуют себя уже старыми знакомыми. Атмосфера за столом была намного теплее вчерашней. Цзян Жо даже научился спокойно принимать чужую лесть, пусть и понимал, что за ней кроется обычное подхалимство. Хотя после утренней съемки в этих дифирамбах наверняка было и зерно искреннего восхищения.

По крайней мере, в своем танцевальном мастерстве он не сомневался.

Аппетит у него разыгрался не на шутку: он умял добрую половину тарелки с креветками и не отказался от нескольких сочных ломтиков грудинки. А тушеная говядина в этой частной ресторации была приготовлена настолько искусно, что мясо буквально таяло во рту, и Цзян Жо не удержался: полил наваристым соусом рис и съел все без остатка.

Наконец-то насытившись, он ощутил приятную тяжесть в желудке — словно спустился с заоблачных высот обратно на землю, обретая долгожданную почву под ногами.

Продюсер, тридцатилетняя женщина, с завистью наблюдала за тем, с каким аппетитом Цзян Жо уплетал блюдо за блюдом.

— Я слышала, танцорам приходится жестко ограничивать себя в еде. Учитель Цзян, неужели вы совсем не склонны к полноте?

— Да нет, что вы, — ответил Цзян Жо. — В студенческие годы мы как-то повадились каждый день ходить на хого. За полмесяца я набрал почти три килограмма. Потом боялся даже близко подходить к весам на глазах у преподавателя.

Он лишь хотел показать, что не застрахован от лишнего веса, однако режиссер Чжоу истолковал эти слова совершенно иначе.

— Надо же, как оголодал наш Учитель Цзян! — Режиссер Чжоу с наигранным недовольством повернулся к администратору группы. — Не виделись всего пару дней, а он уже так осунулся. Вы что, не даете ему нормально питаться?

Помощница администратора, совсем еще молоденькая и неопытная девушка, не успела усвоить правила съемочного этикета и простодушно ответила:

— Да что вы, все разрешено. Просто Учитель Цзян очень неприхотлив и берет те же коробки с обедом, что и вся группа.

— Обычные коробки?..

— Ну да, стандартный заказ: одно мясное блюдо, два овощных. Зато риса можно брать сколько угодно.

За столом повисла неловкая тишина.

Пока режиссер Чжоу лихорадочно соображал, как бы половчее перевести разговор на другую тему, Си Юйфэн нарушил молчание, обратившись напрямую к Цзян Жо:

— А где твой личный помощник?

— У меня нет... — сорвалось было с губ Цзян Жо, но он мгновенно сориентировался и поправился: — Я не стал брать его с собой на съемки.

— Почему?

— Я уже взрослый человек. Зачем мне нянька?

О том, с какой поразительной скоростью Си Юйфэн решает любые вопросы, Цзян Жо уже знал не понаслышке.

Стоило им закончить трапезу и выйти на улицу, как Цзян Жо заприметил стоявшего у дороги Ши Минсюя, верного помощника господина Си. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу незнакомая девушка в круглых очках.

Увидев начальство, Ши Минсюй тут же шагнул навстречу:

— Господин Си, я привел человека.

Си Юйфэн коротко кивнул. Приняв из рук девушки аккуратную стопку листов — судя по всему, резюме, — он бегло пролистал их и протянул Цзян Жо.

Цзян Жо недоуменно нахмурился:

— Что это такое? Зачем вы мне это даете?

Си Юйфэн промолчал, предоставив слово своему секретарю. Ши Минсюй тут же услужливо пояснил:

— Ее зовут Шэнь Чуся. Господин Цзян может называть ее просто Сяо Шэнь. С этого дня она будет вашей личной помощницей.

Си Юйфэн мог сколько угодно хранить высокомерное молчание, но сейчас Цзян Жо твердо вознамерился вытянуть из него объяснения — пусть даже для этого пришлось бы пустить в ход клещи.

На людях Цзян Жо нацепил вежливую маску и с улыбкой предложил Си Юйфэну переговорить с глазу на глаз. Однако стоило им отойти в тихий, безлюдный проулок, как лицо его мгновенно потемнело.

— Смею спросить, господин Си, что это за самоуправство?

— Я нанял тебе помощницу, — спокойно ответил Си Юйфэн.

— Я же ясно дал понять: мне никто не нужен, — отчеканил Цзян Жо. — К тому же, характер наших отношений едва ли дает вам право решать что-то за моей спиной.

Си Юйфэн пристально посмотрел на него:

— И каков же характер наших отношений?

Этот вопрос загнал Цзян Жо в тупик.

Кем они приходились друг другу? Случайными знакомыми? Людьми, разделившими постель на одну ночь? Или кредитором и должником?

Обо всем этом знали только они двое. Для внешнего же мира их связывали отношения покровителя и содержанки — порочный, грязный союз, который должен был скрываться во тьме, но вместо этого оказался выставлен на всеобщее обозрение, став излюбленной темой для праздных пересудов.

Больше всего Цзян Жо злило то, что, трезво глядя на вещи, он расценивал поступок Си Юйфэна как грубое нарушение личных границ, которое лишь накладывало на него ненужные обязательства.

В то время как Си Юйфэн вел себя с непоколебимой уверенностью человека, привыкшего к роли благодетеля. Для него любая забота — будь то ограждение Цзян Жо от грязных слухов или наем прислуги — была естественным продолжением их негласного контракта.

В конце концов, все это был лишь спектакль для публики. Си Юйфэну было глубоко безразлично, что связывает их на самом деле, — для его мира это не играло никакой роли.

Осознав это, Цзян Жо ощутил глухое разочарование — словно со всей силы ударил кулаком в пуховую подушку. Весь его гнев ушел в пустоту.

Помня, что они находятся на съемочной площадке, Цзян Жо мгновенно справился с эмоциями и ядовито парировал:

— Я-то наивно полагал, что мы с господином Си уже в расчете, совершив честный обмен. А теперь получается, что я снова вам задолжал?

Он безжалостно обнажил истинную суть их договора, сознательно приравняв себя к бездушному товару.

Это был удар, ранящий его самого не меньше, чем соперника. Однако Си Юйфэн пропустил язвительную шпильку мимо ушей.

— В будущем мне еще может понадобиться твоя помощь, — ровным тоном произнес он.

Цзян Жо насмешливо вскинул бровь:

— Неужели столь влиятельному человеку, как господин Си, может потребоваться чье-то содействие?

Его тон так и брызгал ядом, но Си Юйфэн остался невозмутим:

— Никогда нельзя знать наверняка, как повернутся дела.

Возможно, это было лишь игрой воображения, но Цзян Жо показалось, будто сквозь привычную маску равнодушия проступили черты едва заметной усмешки.

Вглядываться не хотелось: окажись эта догадка правдой, Цзян Жо не поручился бы за то, что не устроит скандал прямо здесь.

Покладистым характером он никогда не отличался.

— Что ж, тогда примите мою благодарность, господин Си.

Произнеся дежурную фразу, Цзян Жо со злостью осознал, что в последнее время только и делает, что рассыпается перед этим человеком в благодарностях.

Будто и впрямь задолжал ему по гроб жизни.

Настроение окончательно испортилось. Юноша раздраженно перелистнул страницу резюме и, едва сдерживая зубовой скрежет, спросил:

— И каково же ежемесячное жалованье у этой девушки?

— Пустяки. Все расходы я беру на себя, — ответил Си Юйфэн. — Считай это процентами за твою будущую услугу.

После обеда Сяо Шэнь официально заступила на службу.

Девушка оказалась на редкость расторопной. Стоило режиссерскому рупору объявить об окончании очередного дубля, как Сяо Шэнь уже ждала Цзян Жо на выходе с площадки, держа наготове термос с водой идеальной температуры.

Теперь в распоряжении Цзян Жо были огромный пляжный зонт, спасавший его от яркого весеннего солнца, и мягкий шезлонг. На небольшом столике рядом красовались аккуратно вымытые фрукты и всевозможные снеки.

Протянув руку к одной из упаковок, он обнаружил там сушеные утиные лапки и застыл в

замешательстве. Сяо Шэнь поспешила объяснить:

— Господин Си упомянул, что вам нравится это лакомство. У этого бренда хорошая репутация, так что я взяла с запасом.

Испытывая неловкость, Цзян Жо выдал из себя:

— Да... Действительно, очень вкусно.

Впрочем, способности новой помощницы не ограничивались одной лишь заботой о его комфорте.

Посреди дня на телефон Цзян Жо поступил звонок от адвоката: тот сообщил, что дата судебного слушания назначена, и предложил подыскать время для обсуждения деталей.

Цзян Жо в этот момент сидел в кресле гримера, поэтому включил громкую связь. Стоило ему нажать на отбой, как Сяо Шэнь негромко поинтересовалась:

— Учитель Цзян, вы ведете судебную тяжбу о расторжении контракта?

— Угу, — устало выдохнул Цзян Жо. — Бывшее агентство требует астрономическую неустойку. Сплошная головная боль.

— У меня есть знакомый юрист, который специализируется как раз на таких делах в шоу-бизнесе. Я могу расспросить его о важных нюансах.

— Правда? — Цзян Жо с надеждой посмотрел на нее.

Сяо Шэнь тут же вытащила мобильный и набрала номер приятеля. Быстро изложив ему суть дела, она достала блокнот с ручкой и под диктовку записала больше десятка ценных советов: как уберечься от ловушек бывших работодателей и не дать собственному юристу обобрать себя до нитки.

Пробежав глазами список, Цзян Жо изумился: каждый пункт попадал точно в цель, освещая те юридические тонкости, о которых он сам даже не догадывался. Это была настоящая инструкция по выживанию в суде.

Когда юноша горячо поблагодарил ее, Сяо Шэнь лишь смущенно улыбнулась:

— Облегчать вам жизнь — моя работа, Учитель Цзян.

Цзян Жо замахал руками:

— Нет-нет, избавь меня от этого «учителя». Это мне впору величать тебя Учителем Шэнь! С твоими талантами работать на актера десятого эшелона вроде меня — просто кошунство.

— Поверьте, разницы никакой, — Сяо Шэнь поправила очки на переносице. — У именитых артистов безумные графики, с ними приходится не спать сутками напролет. А у вас условия просто сказочные, да и платят отлично. Так что работать с вами — одно удовольствие.

Цзян Жо лишился дара речи.

«Что ж, по крайней мере, она говорит честно».

На вечер была запланирована сцена под дождем.

Весенними вечерами в Фэнчэне и без того дул пронизывающий ветер, а уж под струями искусственного ливня Цзян Жо промок до нитки. Когда съемки наконец завершились, он дрожал так, что зуб на зуб не попадал. Сяо Шэнь тут же укутала его с головы до пят в тяжелый шерстяной плед и всунула в руки грелку. Лишь спустя полчаса к нему вернулась способность нормально говорить.

Тан Цзянянь тоже была задействована в этом эпизоде, но ее роль предполагала нахождение под навесом, так что сухой одежды она не лишилась.

Близился конец смены. Вокруг царил привычная суета: техники сворачивали кабели, рабочие убирали реквизит. Эта неразбериха оказалась на руку влюбленным, решившим уединиться под покровом густых сумерек.

Плотно укутавшись в плед, Цзян Жо стоял в укрытии и невольно наблюдал за происходящим неподалеку. Там, в тени раскидистого кустарника, актер второго плана в «Полете иволги» Су И настойчиво пытался поймать за руку Тан Цзянянь. Девушка слабо сопротивлялась, высвобождая ладонь, но юноша упрямо повторял попытку снова и снова.

Против мужского упрямства женское кокетство долго устоять не могло. После нескольких мягких отказов Тан Цзянянь уступила. Они склонились головами друг к другу, нашептывая друг другу банальные, но такие сладкие глупости о любви и тоске в разлуке.

Вернувшись в гримерку, Цзян Жо принялся стягивать неприятно липнущую к телу мокрую одежду. В этот момент снаружи раздался осторожный стук.

— Учитель Цзян, вы здесь?

Голос принадлежал Сяо Шэнь.

Цзян Жо негромко отозвался.

— Господин Си собирается уезжать, — Сяо Шэнь понизила голос почти до шепота, заботясь о том, чтобы ее расслышал только хозяин комнаты. — Учитель Цзян, не хотите его проводить?

— Он... все еще здесь?

— Помощник Ши упомянул, что господин Си после обеда вел переговоры с продюсерами, а вечером присутствовал на банкете. Все закончилось буквально только что.

Удивительного в этом было мало. Си Юйфэн являл собой ходячий сейф с золотом — богатейший инвестор, делающий первые шаги в медиаиндустрии, лакомый кусочек, за внимание которого отчаянно боролись все продюсерские центры города.

Цзян Жо на мгновение задумался, а затем спросил:

— Неужели мне обязательно идти его провожать?

Сяо Шэнь замаялась, однако, помня о своих профессиональных границах, не стала спорить:

— Понимаю. Тогда я так и передам...

Он не дал ей закончить фразу — дверь гримерки резко распахнулась изнутри.

Цзян Жо, на ходу натягивая сухую ветровку, с плохо скрываемым раздражением спросил:

— И где он сейчас?

Разумеется, на парковке у съемочного павильона. Заприметив издалека знакомый силуэт черного представительского минивэна, Цзян Жо невольно прибавил шаг.

Однако шагах в двадцати от автомобиля ему пришлось затормозить.

Возле дверцы машины помимо Си Юйфэна стояла высокая стройная женщина. Они беседовали, выдерживая строгую двухметровую дистанцию. Судя по всему, эта встреча не планировалась заранее — они столкнулись совершенно случайно.

Цзян Жо мог поклясться, что не имеет привычки подслушивать чужие разговоры. Но коль

скоро ночной воздух сам доносил до него обрывки фраз, не зажимать же ему уши руками?

К тому же разговор явно подходил к концу, так что уловить суть беседы он все равно не успел.

До его слуха долетел красивый женский голос:

— До сих пор не верится, что господин Си снизошел до визита в такую глушь ради какого-то неизвестного актришки.

Си Юйфэн ответил ровно:

— Спроси меня об этом кто-то раньше, я бы и сам не поверил.

— Неужели ты действительно от него без ума?

— Да.

— И насколько сильно?

Из-за того, что Цзян Жо не видел лица мужчины, его голос показался ему пугающе, почти опасно искренним.

Будто за этим не крылось ни тени фальши или привычной игры.

В эту секунду Цзян Жо действительно захотел зажать уши, но было уже поздно.

Он услышал, как Си Юйфэн произнес:

— Околдован до глубины души. Подойдет как описание?

Лишь когда перестук каблучков затих в отдалении, Цзян Жо копировал имя в памяти. Высокой незнакомкой оказалась Чжоу Синьяо — актриса из соседнего павильона.

Совсем недавно Сестра Линь рассказывала ему, что эта молодая женщина, мгновенно взлетевшая на вершину славы после дебютного фильма, была личным проектом Си Юйфэна — звездой, которую он зажег собственной рукой.

Мысли смешались в тугой узел. Цзян Жо окончательно перестал понимать, какое место занимает в этой сложной иерархии.

В душе шевельнулось трусливое желание сбежать незамеченным. Но стоило ему сделать шаг назад, как прозвучавший из темноты холодный голос пригвоздил его к месту.

— Мой дорогой танцор, — негромко позвал его сзади Си Юйфэн. — Подслушивать чужие разговоры — дурной тон.

Цзян Жо почувствовал, как вспыхнули мочки ушей — то ли от жгучего стыда за то, что его поймали с поличным, то ли от этого непривычно интимного обращения.

Однако когда он обернулся, на его лице не осталось и следа прежнего замешательства.

— Я и не собирался слушать, — отрезал Цзян Жо. — Вы просто говорили слишком громко.

— И поэтому решил тихо сбежать?

То был не вопрос, а констатация факта.

«И что значит "сбежать"?»

Цзян Жо недовольно сощурился:

— Вы ведь все равно уезжаете, к чему мне тут стоять? — Вспомнив об истинной цели своего прихода, он небрежно взмахнул рукой. — Доброго пути, господин Си. Простите, дальше не провожаю.

В его нарочитом равнодушии сквозило глухое раздражение человека, чье самолюбие задела, но который лишен возможности высказать все в лицо. Это выглядело донельзя естественно.

Это зрелище неожиданно вызвало у Си Юйфэна редкое чувство легкости. На его губах заиграла слабая полуулыбка, и он негромко спросил:

— Так сильно хочешь моего отъезда?

Цзян Жо на миг оцепенел, словно внутренний голос внезапно спросил его:

«А действительно ли ты хочешь, чтобы он уехал?»

«Действительно ли?»

«Что изменится, если он уедет? И что — если останется?»

Разделявшие их десять метров показались Цзян Жо непреодолимой пропастью. Мужчина стоял у машины, окутанный ночной прохладой, такой же далекий и непостижимый, как всегда.

В памяти всплыли слова предостережения, которые он порывался сказать Тан Цзянянь после их недавнего откровенного разговора:

«Я слышал, что Су И родом из бедной семьи. То, что он за пару лет сумел пробиться на экраны, доказывает: он вовсе не тот наивный простак, каким его рисуют пиарщики. Вы принадлежите к разным социальным слоям, между вами лежит пропасть. Если он подчеркнуто покорен и угодлив, не спешите отдавать ему свое сердце. Прежде проверьте, много ли в его словах искренности».

Тогда он промолчал, опасаясь, что его сочтут обычным завистником и интриганом. Теперь же он осознал: это предостережение в первую очередь следовало адресовать самому себе.

«Между вами лежит огромная пропасть. Если ты станешь во всем соглашаться с ним и заглядывать в рот, какие скрытые мотивы он в тебе заподозрит?»

Именно из-за этого страха он подсознательно противился любой покорности и заискиванию. Так он пытался лишить Си Юйфэна возможности упрекнуть себя в корысти и, главное, стремился сберечь те крохи гордости, которые, как ему казалось, он давно растерял.

Осознав это, Цзян Жо тихо выдохнул скопившийся в груди воздух.

Не потому, что его расстроило собственное бессилие, а от понимания: разделяющее их расстояние действительно напоминает непреодолимую пропасть.

Но сейчас этот человек снова уезжал.

И эта бездна грозила стать еще шире.

И в этот миг в душе Цзян Жо всколыхнулась та же безумная, отчаянная решимость, что и в их первую бурную ночь. Ему безумно захотелось попытаться сократить это расстояние, восстав против судьбы.

Пусть даже в глазах этого человека он оставался лишь загнанной в силки дичью или дорогой игрушкой, созданной для мимолетной забавы.

Он во что бы то ни стало заставит Си Юйфэна сделать шаг навстречу.

Си Юйфэн с легким удивлением наблюдал, как юноша, секунду назад жаждавший сбежать, уверенно шагает прямо к нему. Цзян Жо остановился на расстоянии вытянутой руки.

Так близко, что в тусклом свете дорожного фонаря Си Юйфэн мог разглядеть матовую, почти прозрачную бледность его кожи и то, как взволнованно трепетали ресницы при каждом вдохе.

— Если я скажу, что не хочу твоего отъезда... ты останешься?

То был прямой вопрос, но Цзян Жо, судя по всему, вовсе не ждал на него ответа. Сделав еще один короткий шаг, он приподнялся на цыпочки и потянулся к лицу Си Юйфэна, выдыхая слова ему в самое ухо.

Словно давая понять: истинная суть кроется в том, что прозвучит следом.

Си Юйфэн на мгновение оцепенел, и этой короткой заминки хватило, чтобы упустить возможность отстраниться.

Первым делом его чувств коснулось теплое дыхание юноши — легкое, точно взмах птичьего крыла. Следом за ним щеку мужчины пощекотали мягкие, пахнущие дождем пряди волос.

Весенний воздух Фэнчэна был пропитан густой, томительной влагой.

— И еще... Кажется, я уже предупреждал вас, господин Си: не стоит бросать на ветер обещания, которые вы не в силах выполнить.

Цзян Жо лукаво прищурился. Опершись ладонью о крепкое плечо Си Юйфэна, он подался вперед и едва уловимым движением задел губами прохладный край его ушной раковины.

Он в точности скопировал его небрежный, ленивый тон, но растянул слова, придав голосу обманчивое простодушие:

— Я ведь глупый... Вдруг и впрямь поверю?

Он говорил о том признании — «околдован до глубины души». О признании, которое со стороны казалось нелепой выдумкой, но в эту секунду почему-то перестало казаться невозможным.

<http://bllate.org/book/19587/1943140>